

**СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
А.И. МИКОЯНА
КАК ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИДЕРА ОБЩЕСОЮЗНОГО МАСШТАБА
(1926–1941 годы)**

Начало пути

25 ноября 1895 года у Ованеса Нерсесовича и Тамары Отаровны Микоян появился на свет третий ребенок, который при крещении получил имя Анастас. Будущий кремлевский долгожитель родился на территории Армении в горном селении Санаин. Всего в семье было пятеро детей, двое из которых впоследствии стали выдающимися деятелями общесоюзного масштаба и завоевали мировую известность. Это непосредственно сам герой нашего исследования и его младший брат, прославленный авиаконструктор МиГов³.

Мы не станем подробно описывать насыщенную жизнь и деятельность А.И. Микояна вплоть до его перевода в Москву. Домосковский период его биографии детально изложен в собственных мемуарах, выходявших в свет еще начиная с 70-е годов XX столетия⁴. Но без тезисного изложения основных ступеней, повлиявших на формирование личности и мировоззрения А.И. Микояна, его становление как последовательного большевика, обойтись невозможно.

³ С 1940 года Артем Иванович Микоян становится главным конструктором нового авиационного конструкторского бюро. За три десятилетия под его руководством было создано несколько поколений самолетов-истребителей – от поршневого МиГ-3 (участвовавшего в Великой Отечественной войне), до сверхзвуковых реактивных истребителей. Умер Артем Иванович в декабре 1970 года в возрасте шестидесяти шести лет. Не в последнюю очередь благодаря влиянию дяди четверо из пяти сыновей самого А.И. Микояна посвятили свою жизнь авиации.

⁴ В первой книге, получившей название «Дорогой борьбы», воспроизводится время детства и юношества Анастаса Ивановича, вплоть до 1920 года, связанного с окончанием революционной работы в Закавказье и переездом в Нижний Новгород. Во второй книге – «В начале двадцатых» излагаются детали жизни и работы в Нижегородской губернии, а также деятельность на посту секретаря Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Посмертно в 1999 г. вышла книга «Так было».

С раннего детства маленький Анастас начал проявлять тягу к знаниям. Первым его учителем стал монах древнего армянского монастыря, расположенного в Санаине, который взялся обучать мальчика грамоте. Видя способности и желание сына учиться, родители решают дать ему образование. В сентябре 1906 года (почти в одиннадцатилетнем возрасте) освоивший азы чтения и письма Микоян поступает во 2-й подготовительный класс Тифлисской армянской духовной семинарии. Это была единственная возможность для деревенского столяра-плотника дать сыну образование. В семинарии, в отличие от гимназий и реальных училищ, обучение было бесплатным. Кроме того, абсолютное большинство предметов были общеобразовательными, что позволяло детям из малообеспеченных семей получать разностороннее развитие.

Именно в стенах Нерсисянской духовной семинарии посредством активного самообразования происходит формирование политических взглядов одного из будущих лидеров советского государства. Еще до вступления в партию большевиков, находясь в стадии поиска, Анастас Микоян и несколько его одноклассников организуют политический кружок, в котором начинают активное изучение революционной литературы.

Весной 1914 года с подачи своего дальнего родственника, большевика Дануша Шавердяна, Микоян впервые открывает для себя Ленина. Как позже признавал сам Анастас Иванович, в ленинских работах он нашел ответы на многие мучившие его вопросы, которые окончательно повлияли на определение его политических убеждений.

Окунувшись с головой в изучение марксистской литературы, молодой Микоян попадает в поле зрения царской полиции. В архиве сохранился ордер от 22 мая 1914 года на право производства по месту его проживания тщательного обыска. Начальник Тифлисского губернского жандармского управления полковник Пастюрзин писал: «...вследствие состоявшегося постановления моего и согласно ст. 21 Положения о Государственной охране предлагаю приставу 8 полицейского участка гор. Тифлиса с получением сего произвести самый тщательный и всесторонний обыск у крестьянина Анастаса Ованесова Микояна (ученик армянской семинарии), проживающего в доме № 14 по Екатерининской улице.

Всем обнаруженным по обыску бесцензурным изданиям, всей без исключения переписке, фотографическим и визитным карточкам и адресам, а равно всем предметам, запрещенным к хранению или могущим свидетельствовать о преступности или неблагонадежности обыскиваемого лица, должна быть составлена

опись, после чего их надлежит опечатать... и при протоколе обыска препроводить с нарочным в Управление. <...>

Обыскиваемый же подлежит задержанию в зависимости от результатов обыска»⁵. Устроив проверку квартиры, полиция не застала там самого подозреваемого.

В августе 1914 года началась Первая мировая война. Анастас Микоян оказался в числе наиболее воинственно настроенных учащихся семинарии. Уже в ноябре он и его одноклассники направляются на фронт для пополнения добровольческой дружины под командованием прославленного армянского военачальника Андраника. Бросив семинарию, Анастас принимает участие в боях на турецком фронте за освобождение Западной Армении от гнета Турции. Вскоре семинаристы, жалуясь на постоянные трудности и усталость, решают вернуться домой. Микоян – единственный из числа одноклассников, кто остается на фронте. Только через пять месяцев, в апреле 1915 года, дойдя до одной из древних столиц Армении – города Ван, он заболевает острой формой малярии и переправляется в тыловой госпиталь.

После выздоровления Анастас возвращается в семинарию. В ноябре 1915 года в его жизни происходит знаменательное событие – двадцатилетний юноша становится членом партии большевиков. Партийные функции молодого эсдека сводятся к проведению пропагандистской работы среди учащейся молодежи Тифлиса.

В июне 1916 года А. Микоян заканчивает семилетний курс обучения в духовной семинарии, с успехом сдает выпускные экзамены и получает аттестат. В сентябре 1916 года он поступает в армянскую духовную академию, располагавшуюся недалеко от Еревана в древнем городе Эчмиадзине. Это было единственное в Армении высшее учебное заведение, куда выпускники семинарии принимались автоматически, без экзаменов. Активно сотрудничая в тифлисской еженедельной социал-демократической газете «Пайкар», Микоян становится организатором-пропагандистом большевистской группы в Эчмиадзине. После Февральской революции по его инициативе в Эчмиадзине создают местный Совет солдатских депутатов. Вскоре после этого он бросает учебу и с головой уходит в революционную борьбу, устремившись в Тифлис для работы в парторганизации этого города.

В марте 1917 года лидер революционного Закавказья Степан Шаумян присылает в Тифлис письмо с описанием общей обстановки в Баку. Он просит направить к нему опытного большевика

⁵ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 91. Л. 200.

Мравяна для усиления политической работы среди рабочих-армян. Однако Мравян, ссылаясь на семейные обстоятельства, отказывается от переезда. Чувствуя в себе силы, Микоян обращается с предложением отправить его в крупнейший промышленный город Закавказья. В Тифлисе инициативу поддерживают, и Дануш Шавердян дает молодому большевику записку с хорошей рекомендацией. Обращаясь к своему другу С. Шаумяну, он пишет: «Дорогой Степан! Представитель сей записки Анастас Микоян является новокрещенным эсдеком в достаточной степени подготовленным. Направляю его к тебе для борьбы против дашнаков. Он очень способный парень. Прошу уделить особое внимание. О здешнем положении он расскажет тебе»⁶.

В Баку Микоян приехал в конце марта и вскоре стал пропагандистом бакинского комитета партии. Почти каждый день он выступал в нефтепромысловых районах на митингах и собраниях перед рабочими с разъяснением политики большевиков. Его сразу же задействовали в выпуске армянской газеты «Известия Советов рабочих и солдатских депутатов». В помещении редакции этой газеты он не только трудится, но и живет, ночуя на редакционном столе.

В мае, случайно узнав о положении новоиспеченного сотрудника, председатель бакинского Совета С. Шаумян предлагает ему переселиться на веранду его небольшого дома. Оценив по достоинству трудоспособность нового знакомого, Шаумян подключает его к работе в еженедельной газете «Социал-демократ».

В июле 1917 года Микоян временно возвращается в Тифлис, где становится членом Бюро и секретарем Тифлисского комитета партии. Однако известие о свержении Временного правительства и последовавшем 31 октября провозглашении власти Советов в Баку заставляет молодого революционера вернуться в гущу событий. Уже в ноябре, являясь членом президиума бакинского комитета партии, Микоян руководит партийно-массовой работой в городе и районах. Вскоре из-за перегруженности С. Шаумяна он фактически становится редактором армянской большевистской газеты «Социал-демократ», продолжает печататься в прессе под псевдонимом Коммунист.

В марте 1918 года азербайджанские националисты (мусависты) предпринимают попытку вооруженным путем захватить власть в Баку. Микоян участвует в организации боевой дружины и даже руководит одним из ее отрядов. Во время уличных боев он получает ранение в ногу. Трехдневное сопротивление восставших заканчивается их поражением.

⁶ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 343. Л. 1.

В апреле 1918 года формируется бакинский Совет народных комиссаров, председателем которого выбирают С. Шаумяна. Микоян в силу своей молодости, небольшого стажа партийной работы и малой известности в городе в число избранных комиссаров не попадает.

В июне 1918 года, с наступлением турецких войск на Баку, он отправляется на фронт, где назначается комиссаром 3-й бригады Красной Армии. 31 июля в Баку происходит переворот, в результате которого власть захватывают меньшевики, эсеры и дашнаки, образовавшие для своего правления «Диктатуру Центрокаспия». В связи с нависшей турецкой угрозой новое руководство принимает решение о приглашении для обороны города британских экспедиционных войск.

В свою очередь, бакинские большевики предпринимают попытку переправиться в Россию. Микоян, как активный пропагандист, при этом не входящий в число известных руководителей, остается в городе для подпольной работы. 14 августа 17 пароходов с красноармейцами отряда Петрова, членами Совнаркома и другими ответственными работниками пытаются уйти в Астрахань. В море их окружают корабли военной флотилии «Диктатуры Центрокаспия» и под угрозой расправы возвращают обратно. Три десятка наиболее известных большевиков, костяк которых составляют бакинские комиссары, подвергаются задержанию и заключаются в тюрьму. Списки арестованных публикуются в газетах.

Ровно через месяц турецкие войска подходят к пригородам Баку. Опасаясь физической ликвидации арестованных в случае захвата города турками, Микоян добивается получения письменного распоряжения от властей «Диктатуры Центрокаспия» на освобождение задержанных товарищей с целью их дальнейшей эвакуации. Благодаря его энергичному вмешательству 14 сентября происходит вызволение арестованных большевиков. В ночь на 15 сентября Микоян, бакинские комиссары и другие ответственные работники эвакуируются из Баку на пароходе «Туркмен».

К вечеру 16 сентября они подходят к рейду занятого английскими оккупационными войсками Красноводска. При досмотре на пунктах проверки задерживают 35 человек, в том числе и Микояна. Состав взятых под стражу большевиков почти совпадает с арестованными в августе властями «Диктатуры Центрокаспия». Причиной тому становятся обнародованные в прессе списки задержанных в Баку большевиков. Микоян и еще несколько революционеров в списке не значатся, что спасает им жизнь.

20 сентября эсеровское закаспийское правительство (действуя с одобрения английского командования) производит казнь

26 бакинских большевиков. Выбирая из 35 арестованных 26 человек, они руководствуются списком на довольствие, который был найден при обыске у одного из сподвижников Шаумяна, избранного в Баку тюремным старостой. В нем перечислялись фамилии 30 заключенных Баилдовской тюрьмы, освобожденных пять дней назад с участием Микояна. Именно потому, что сам Микоян в Баку арестован не был, его фамилия не значилась ни в списке тюремного старосты, ни среди газет «Центрокаспия», в которых перечислялись имена тридцати ранее задержанных деятелей коммуны.

Из арестованных в красноводском порту большевиков участи «26 бакинских комиссаров» (в числе которых оказались несколько рядовых работников, даже беспартийные технические работники), кроме самого Микояна, сумели избежать такие видные революционеры, как Самсон Канделаки, член Совнаркома и комиссар бронепоезда, и член военно-революционного комитета кавказской Красной Армии Эммануил Гигоян. Их фамилии также отсутствовали в вышеназванных списках. Только благодаря такому счастливому для них стечению обстоятельств трое активных революционеров не были расстреляны в песках Туркмении.

В мужской тюремной камере остаются сидеть четыре человека: А. Микоян, С. Канделаки и два несовершеннолетних сына С. Шаумяна – Сурен и Левон. Через полтора месяца их переводят из красноводской в кизыл-арватскую тюрьму, а еще через три недели – в ашхабадскую. В Ашхабаде заключенные проводят три зимних месяца.

В конце февраля 1919 года под охраной британских солдат Микояна и его сокамерников отправляют в Баку, где их и освобождают. По официальной версии это произошло вследствие ультимативного требования бакинских рабочих, предъявленного английскому оккупационному командованию.

В 1919 году начинается новый период революционной деятельности Анастаса Микояна. Приехав в Баку, он фактически становится во главе партийной организации этого города и проводит активную революционную работу, которая заканчивается установлением советской власти в Азербайджане.

В первых числах мая 1919 года Микоян – один из организаторов массовой демонстрации в Баку, переросшей во всеобщую забастовку. 9 мая, во время заседания стачечного комитета, англomусаватистское руководство производит арест четырех десятков его участников. Теперь Микояну, известному руководителю рабочего движения, грозило суровое наказание. Однако благодаря помощи находчивых товарищей через несколько дней после ареста ему удается бежать из тюрьмы.

В архиве сохранился протокол от 16 мая 1919 года, описывающий подробности его «освобождения». Товарищ прокурора Волконский, сообщая прокурору бакинского окружного суда об обстоятельствах побега политического арестанта Микояна, писал, что «один из главарей-руководителей забастовки» оказался среди отпущенных 25 заключенных, выдав себя за подлежащего освобождению большевика Степаняна⁷. Так Микоян сумел избежать очевидной расправы.

В сентябре 1919 года по поручению кавказского крайкома партии Микоян направляется в Москву для доклада о положении дел в Закавказье. В течение двух месяцев, проведенных в столице, он знакомится с крупными деятелями партии: Кировым, Орджоникидзе, Куйбышевым, Фрунзе. Для отчета и согласования ряда проблем закавказского гостя принимает Ленин. Поставленные молодым большевиком вопросы обсуждаются на Политбюро и Оргбюро ЦК.

В январе 1920 года (пробыв в Москве около двух месяцев и получив советы и рекомендации В.И. Ленина) он направляется в Закавказье для дальнейшей нелегальной работы. 28 апреля на бронепоезде «Интернационал» прибывает в Баку. В ночь на 29 апреля 1920 года происходит провозглашение советской власти в Азербайджане.

В сентябре 1920 года ЦК принимает решение о переводе Микояна в Россию и направляет его на работу в Нижний Новгород. На новом месте, активно участвуя в политической жизни, он проходит путь от рядового члена бюро губернского комитета партии до избрания его ответственным секретарем. При этом молодой руководитель приобретает богатый хозяйственный опыт, хорошо прижившийся в дальнейшем.

Весной 1922 года Микояна избирают кандидатом в члены ЦК. Тогда же ему впервые доводится присутствовать на пленуме Центрального Комитета. В мае его назначают секретарем Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б) с местом базирования в Ростове-на-Дону. На этой должности он проработает до августа 1926 года.

В апреле 1923 года состоялся XII съезд партии, на котором Анастас Микоян присутствовал в качестве делегата и выступал с поправками к резолюции по промышленности, остро полемизировал с Троцким. На этом же съезде его избирают членом ЦК.

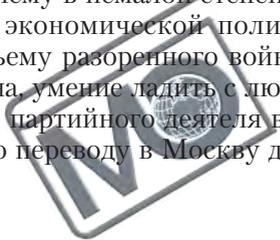
24 января 1924 года, в день смерти Ленина, Микоян, Сталин и Бухарин первыми приезжают в Горки к смертному одру лидера революции.

⁷ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 77. Л. 138–140.

С августа 1922 года А.И. Микоян возглавляет Северокавказский краевой комитет РКП(б). Территориальные рамки находившегося в его юрисдикции края простирались от Ростова до Владикавказа, от Сочи до Махачкалы. На его территории размещались современные Ставропольский и Краснодарские края, Карачаево-Черкессия, Адыгея, Ростовская область, Дагестан, Кабардино-Балкария, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия. Здесь Микояну пришлось учиться находить общий язык с казачеством, многочисленными горскими народами, зачастую заниматься их примирением.

С самого начала он стремится минимизировать применение вооруженной силы, старается не оскорблять религиозных чувств народов многонационального края. Как пишет Р.А. Медведев, «во многих выступлениях Микоян призывал коммунистов не разрушать церквей и мечетей и не ссориться с крестьянами и казаками на почве религии»⁸. По его настоянию была выработана целая программа уступок, связанная с обычаями местного населения. Например, Микоян призвал не препятствовать истреблявшемуся в годы Гражданской войны казачеству носить кинжалы, шапку-кубанку, заниматься джигитовкой.

Восстановление Северного Кавказа шло ускоренными темпами, чему в немалой степени способствовало распространение новой экономической политики. Основное внимание уделялось подъему разоренной войной сельского хозяйства. Энергия Микояна, умение ладить с людьми, репутация опытного руководителя и партийного деятеля в конечном итоге не могли не привести к его переводу в Москву для работы в общесоюзном масштабе.

Перевод в Москву. Нарком внешней и внутренней торговли

До середины 20-х годов А.И. Микоян занимает в партийно-государственной иерархии относительно скромное место секретаря Северокавказского крайкома партии, при этом планомерно решает злободневные проблемы Юга России. Однако летом 1926 года в его жизни происходят кардинальные перемены. В начале на июльском Пленуме ЦК Микояна наряду с Орджоникидзе, Кировым, Андреевым и Кагановичем избирают кандидатом в члены Политбюро. А уже в августе этого года назначают народным

⁸ *Медведев Р.А.* Ближний круг Сталина. М., 2005. С. 165.

комиссаром объединенного наркомата внешней и внутренней торговли.

Помимо личных заслуг причины столь стремительного роста объясняются изменением расстановки сил в высших эшелонах власти. Правильно выбранная модель поведения, проявленные на деле личные качества, протекция Сталина и, конечно, необходимость замены в партийно-государственном аппарате лидеров оппозиции привели к тому, что летом 1926 года А.И. Микоян становится не только кандидатом в Политбюро, но и самым молодым наркомом одного из главных и сложнейших ведомств.

Примечательно, что 30-летний сталинский выдвиженец не стремился к быстрой карьере и не желал менять относительно спокойную жизнь успешного провинциального руководителя на крайне опасные интриги большой политики: «Товарищи, я категорически отвожу свою кандидатуру в кандидаты Политбюро. Я прямо говорю, что я не гожусь для этой роли: во-первых, есть более старые и заслуженные члены ЦК, чем я, во-вторых, я не подготовлен к этой роли и прямо говорю, что я не гожусь, поэтому прошу вместо меня избрать другого»⁹. О.В. Хлевнюк называет сопротивление Микояна, старавшегося соблюсти субординацию, «демонстративным самоотводом» и «демонстрированием скромности»¹⁰, подразумевая под этим тонкую политическую игру. С этим еще можно было бы согласиться, если не брать в расчет историю с последовавшим вскоре назначением Микояна наркомторгом.

Саму идею заменить одного из лидеров оппозиции на своего откровенного сторонника инициировал и «продавил» генеральный секретарь. Однако Микоян своим беспрецедентно длительным сопротивлением заставил Сталина поволноваться. На событиях августа 1926 года стоит остановиться подробнее, так как на этом примере четко вырисовывается натура самого Микояна. Кроме того, их рассмотрение поможет лучше понять взаимоотношения внутри «коллективного руководства» до установления единоличной диктатуры Сталина.

После окончания июльского пленума Микоян был поставлен в известность о решении членов Политбюро выдвинуть его наркомом вместо дискредитировавшего себя борьбой с ЦК партии Каменева. Поблагодарив за оказанное доверие, Анастас Иванович поспешил отвести свою кандидатуру, после чего уехал в Ростов-на-Дону. Ускорил же реализацию сталинской затеи сам Каменев.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 246. Л. 90.

¹⁰ Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликт в Политбюро в 30-е годы. М., 1993. С. 14.

25 июля он направляет кандидатам и членам Политбюро записку, в которой просит снять его с должности наркомторга. В своем обращении Каменев писал: «В предстоящей хозяйственной кампании НКТоргу предстоит сыграть решающую роль. Совершенно ясно, что ни на какое доверие и действительную поддержку НКТорг до тех пор, пока я нахожусь во главе его, рассчитывать не может. <...>

Если Политбюро не наметило еще кого-либо из своего состава для руководства НКТоргом, я полагаю, что неоднократно называвшийся в последние дни в качестве НКТорга тов. Микоян с успехом справился бы с этой задачей»¹¹.

После публичных откровений одного из лидеров оппозиции генеральный секретарь активизируется. В Ростов-на-Дону на имя Микояна приходит телеграмма, в которой Сталин, немного переиначивая слова Каменева, пишет: «Сегодня получил письмо Каменева с настойчивым требованием отставки. Каменев думает, что ты единственный человек, который мог бы справиться с Наркомторгом»¹². Так началась долгая и возможная лишь в середине 20-х годов переписка с уговорами между Сталиным, которого поддерживали другие члены Политбюро, и Микояном, решительно отказывавшимся от предложения: «Снова категорически против предполагаемого моего назначения. Для Наркомторга я совершенно не подготовлен, у меня нет ни малейшей практики, соответствующих знаний, нет ни малейшей уверенности справиться с делом. Готов работать в любой местной организации или за границей. Назначение в Наркомторг будет величайшей ошибкой по отношению ко мне и к делу. Заявляю, что такому решению ЦК не могу подчиниться»¹³.

К тому же вызывающий отказ Микояна поспешили подкрепить обращением в ЦК его коллеги по местной работе. 28 июля члены Бюро Северокавказского крайкома партии Чудов, Богданов, Беленький, Володин, Клейнер направляют телеграмму на имя Сталина. В ней, ссылаясь на состояние края, а также поставленные перед Бюро задачи, они категорически возражают против перевода шефа в Москву, настоятельно требуя его сохранения в Северокавказском крае «хотя бы на ближайший год».

Сталин решил не затягивать дело перепиской и перешел от слов к действиям. 5 августа Политбюро, обсудив заявление Каменева об отставке, освобождает его от работы в Наркомторге.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–3.

¹² РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 300. Л. 3.

¹³ Там же.

Этим же постановлением новым наркомом внешней и внутренней торговли назначается А.И. Микоян. Однако, узнав об этом, тот продолжает отстаивать свои позиции и в ответной телеграмме от 6 августа сообщает: «Несмотря на состоявшееся решение Политбюро о назначении меня наркомом, я категорически отказываюсь и заявляю, что не могу подчиниться такому решению, ибо совершенно убежден, что мое назначение Наркомом погубит как дело, так и меня. <...>

Я Наркомторгом и вообще Наркомом не гожусь и не могу взять на себя обязанностей сверх своих сил и способностей.

Прошу эту телеграмму, как и предыдущую, а также телеграмму Бюро Севкавказкома разослать членам и кандидатам ЦК с предложением отменить мое назначение Наркомторгом»¹⁴.

На следующий день Сталин назвал телеграмму Микояна с отказом подчиниться ЦК «более чем необычной», указав, что ее содержание учитывалось при решении вопроса о его назначении. А уже 9 августа генсек, Бухарин и Рыков шлют Микояну совместное послание, в котором, ссылаясь на голосование «огромного большинства членов ЦК», настоятельно требуют несговорчивого коллегу немедленно выехать в Москву и приступить к исполнению своих обязанностей¹⁵. В ответ Микоян продолжает упорно настаивать на рассылке его телеграммы членам ЦК.

10 августа уже в личном обращении будущий вождь уговаривает Микояна подчиниться ЦК, обещая не допустить его неудачи: «Твое назначение уже оформлено и завтра публикуется. Дело кончено, и возвращаться назад нет смысла... бояться провала нет оснований, тем более, что мы будем поддерживать тебя всемерно. <...> Приезжай не медля. Мы ждем»¹⁶. Также 10 августа в Ростова-Дону приходит сообщение из Союзнаркомторга от Фрумкина, в котором тот убедительно просит Микояна незамедлительно выехать в Москву для разрешения важнейших вопросов, определяющих работу комиссариата на весь год

Сохранилась записка на имя Сталина, в которой Микоян откровенно разъяряет свое беспримерное сопротивление: «Дорогой Сосо!

<...> Я боюсь больше всего следующего:

1) Я никогда не страдал ложной скромностью, никогда не преувеличивал своих сил. Но никогда я не страдал излишней самоуверенностью и нахальством.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 300. Л. 4.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 765. Л. 13.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 300. Л. 6.

Я всегда оценивал свои силы трезво. Этим объясняется, что я до сих пор не провалил ни одного дела, порученного мне партией. Теперь же все мое нутро протестует, сигнализируя, что здесь совершается ошибка, роковая для меня. Чувствую, что я провалюсь с треском. Я так не боялся бы одного моего провала, если бы чувствовал, что 1) одновременно провалю большое дело; 2) это будет началом новых моих провалов и упадка моего как партийного работника, который потерял веру в свои силы, вряд ли окажется полезным для партии.

2) Второе, что я самый молодой по возрасту член ЦК, не рабочий, ...безо всяких особых заслуг перед партией при царе (примкнул к партии в конце 15 года, в конце 14 года в начале 15 был, как тебе известно, месяцев шесть добровольцем в армянской дружине на турецком фронте). ...я не достоин, по крайней мере пока, быть ни кандидатом Политбюро, ни возглавлять важнейший хозяйственный наркомат. Есть люди более достойные, более заслуженные...

Все это пишу., чтоб ты понял: я не могу, не могу взять на себя Наркомторг и что зря меня ЦК ввел в кандидаты Политбюро. В крайнем случае, хотя не хочу, не буду возражать замом в любой наркомат. Лучше всего дать работу в Коминтерне...»¹⁷.

Подобное по содержанию письмо Микоян направляет 13 августа и в Политбюро. В нем он продолжает утверждать, что категорический отказ принять назначение остается в силе, просит наметить в Наркомторг другую, более подходящую кандидатуру, а его в крайнем случае определить замом при любом наркоме.

Такое поведение Микояна даже по тем временам являлось крайне необычным, вряд ли в истории партийных назначений зафиксирован хотя бы один подобный случай. На этом примере видна существенная разница с последовавшей позднее практикой назначения наркомов. Например, диаметрально противоположно произошло назначение главой текстильной промышленности А.Н. Косыгина, о котором тот узнал постфактум, из газет.

Предприняв массивную «бомбардировку» молодого соратника через различные инстанции, Сталин добился своего: кандидат в Политбюро был вынужден подчиниться партийной дисциплине и, как позже признавал сам, «первый и последний раз в своей жизни так резко и упорно реагировал на вопрос, который касался моего личного назначения на работу»¹⁸.

16 августа на заседании Политбюро просьба Микояна о пересмотре постановления от 9 августа окончательно отклоняется.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 62. Л. 53–53 об.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 116. Л. 1.

Его обязывают немедленно приступить к работе во всесоюзном масштабе¹⁹.

Сталин сразу же решил использовать Микояна в своих аппаратных играх и перестановках. Свидетельством тому служит инцидент с участием Орджоникидзе. Вскоре после отъезда Микояна в Москву по предложению генсека ЦК принимает решение переместить Орджоникидзе с более значимого поста секретаря Закавказского крайкома партии на освободившуюся должность секретаря Северокавказского крайкома.

Естественно, вспыльчивого Орджоникидзе не устроил перевод в Ростов-на-Дону «вместо Микояна», инициированный Сталиным, по всей видимости, с целью проучить гордого земляка, а может, и посорить между собой обоих секретарей. Орджоникидзе расценил это назначение как прямой намек на то, что в партийно-государственной иерархии Микоян рассматривается выше, что он «годится лишь в заместители Микояна»²⁰. Эти мысли он в резкой форме высказал Сталину, который таким образом попытался поставить Орджоникидзе «на место». Сам Анастас Иванович в своих воспоминаниях пишет, что «Сталин, видимо, решил хоть на время немного «поумерить» сильно возросший авторитет Серго среди закавказских товарищей»²¹. Кроме того, подобным образом он предпринял попытку внести дополнительное напряжение во взаимоотношения двух кандидатов в Политбюро, подтверждая свою репутацию как великого интригана. Менее чем через два месяца «ошибка» была исправлена, и Орджоникидзе занял пост народного комиссара РКИ и председателя ЦКК.

В планировавшемся стремительном индустриальном рывке советского государства Наркомторгу предстояло сыграть одну из решающих ролей. Преобразование аграрной страны в промышленно развитую предполагалось производить посредством интенсивного импорта в основном на вырученные от внешней торговли средства.

Впервые за весь советский период внешняя торговля дает активное сальдо в 57 851 тысячу золотых рублей именно при А.И. Микояне²². Происходит это в 1926–1927 хозяйственном году. Прежде всего такому показателю способствовала относительно

¹⁹ В контексте описанных событий историческая шутка: «От Ильича до Ильича – без инфаркта и паралича» теряет свою меткую язвительность.

²⁰ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сб. док. / Сост.: Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995. С. 82–83.

²¹ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 163. Л. 321–322.

²² РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 272. Л. 1.

благоприятная для СССР ситуация на мировом рынке и заметно бóльший урожай хлеба, позволивший увеличить его экспорт. 1926 год ознаменовался еще и получением немецкого кредита в размере трехсот миллионов марок, в результате чего большая доля заказов на оборудование была размещена в Германии.

С приходом нового наркома активизируется деятельность советских торгпредов за границей. Как результат количество и доля экспортных операций торгпредств по сравнению с предыдущим годом увеличивается на 21,7%. Это позволяло приобретать товары непосредственно у производителя или у импортеров, не прибегая к услугам посредников. Кроме того, стремясь зацепиться за мировой рынок, Наркомторг повышает интерес к росту статей второстепенного экспорта. В 1926–1927 хозяйственном году, по сравнению с предыдущим, он вырастает на 35%, хотя по-прежнему остается незначительным²³.

Ускоренная индустриализация, сопровождавшаяся постоянно растущим импортом, требовала большого количества валюты. При этом обороты внешней торговли являлись своего рода лимитами, которые определяли темпы промышленного развития СССР. Экспорт обеспечивал непрерывный завоз оборудования, материалов, оплату иностранных специалистов. В 1926–1927 хозяйственном году он состоял главным образом из нефтепродуктов, леса, различного сырья и зерна (прежде всего).

На XV съезде было принято окончательное решение проводить индустриализацию форсированными темпами. Выступая на съезде, Микоян предупредил собравшихся о тех трудностях, которые ожидают население страны в течение всей пятилетки. В ходе своего выступления он недвусмысленно подчеркнул, что экспорт является основным источником финансирования индустриализации: «Мы можем поднимать наше хозяйство на индустриальной основе и строить социализм лишь при условии, если мы – в особенности на первых порах – будем ввозить достаточное количество машин и сырья для того, чтобы поставить собственное производство средств производства. Но ввозить можно только на деньги, вырученные от экспорта, ибо у нас нет ни больших запасов золота, ни заграничных займов»²⁴.

В импортном плане на 1927–1928 год по-прежнему основу представляли предметы производственного значения, составившие в общей сложности 72,2% от всех закупок. Ввоз оборудования достигает рекордной величины, перегнав план предыдущего

²³ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 272. Л. 63, 70.

²⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: операция «Эрмитаж». М., 2005. С. 85.

хозяйственного года на 67,4%²⁵. Что касается экспорта, то почти половину его составили пушнина – 17%, нефть и нефтепродукты – 15,4%, лесоматериалы – 12,6%. Вторую по значимости группу представляли продукты питания, удельный вес которых по сравнению с предыдущим годом заметно снизился.

Общий внешнеторговый оборот за новый, 1927–1928 год вырос на 15,3% и составил 1 миллиард 719 миллионов рублей. Это стало возможно исключительно за счет повышения импорта. Отрицательное же сальдо в размере 170 миллионов объясняется увеличением ввоза оборудования и сырья, сопровождавшимся значительным снижением сельскохозяйственного экспорта, который только по хлебопродуктам снизился по сравнению с предшествующим годом на 173,4 миллиона рублей²⁶.

Отличительной особенностью советской внешней торговли являлось то, что значение машин и их роль в товарообороте постоянно росли. Если в 1929 году удельный вес машин и оборудования в общем импорте товаров СССР был равен 30,1%, то в следующем, 1930 году – уже 46,8%. В годы первой пятилетки Советский Союз был крупнейшим импортером металлов. Черные и цветные металлы были второй после машин и оборудования важнейшей статьёй советского импорта, на закупки которых приходилось около 20% всех валютных затрат²⁷. Заметно сокращается импорт текстильного сырья и полуфабрикатов: с 26,3% в 1925–1926 году до 11,7% в 1930-м, не говоря уже об импорте промышленных товаров народного потребления, который за те же годы уменьшается с 9,2% до 1,4% от всего экспорта²⁸. Эти данные наглядно отображают значение внешней торговли в решении главной задачи для советского руководства – индустриализации страны.

Важно отметить, что А.И. Микоян в годы первой пятилетки активно поддерживает идею увеличения добычи золота, экспорта нефти, леса, преследуя как одну из главных целей разгрузку сельского хозяйства. В сентябре 1927 года он направляет в Политбюро записку, подготовленную его заместителем Шлейфером, в которой обосновывается крайняя необходимость усиления добычи драгоценных металлов. Открыто признавая, что накопление валютных резервов за счет внешней торговли не может в полной

²⁵ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 272. Л. 99–109.

²⁶ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 272. Л. 80.

²⁷ Внешняя торговля СССР. Статистический сборник (1918–1966). М., 1967. С. 6.

²⁸ Внешняя торговля СССР. Статистический сборник (1918–1966). М., 1967. С. 15.

мере удовлетворить нужду в импорте, заместитель наркомторга предлагает придать первостепенное значение усилению добычи золота. И действительно, контрольные цифры пятилетки в этом вопросе предполагали мизерный прирост 35–37 тонн в год, что составило бы только около 70% довоенной годовой добычи золота.

В записке предлагался ряд конкретных мероприятий, а именно: повышение капитальных затрат минимум на 100 миллионов рублей; экономическая стимуляция рабочих и административно-технологического персонала, занятого на предприятиях золотопромышленности; значительное расширение работы по разведке новых золотоносных площадей (средства на которую предлагалось увеличить не менее чем в 3 раза); улучшение условий труда на приисковых предприятиях; премирование; усиление притока на прииски русских рабочих, которые сдавали бы золото государству, а не переводили контрабандой в Китай²⁹. Еще одним важным моментом предлагаемых Наркомторгом действий должен был стать психологический фактор. Факт усиления советской добычи золота рассматривался бы в мире как получение солидного и постоянного источника для увеличения валютных ресурсов, что должно было содействовать предоставлению заграничных кредитов.

Не менее важным источником умножения валютных накоплений Микоян предлагал сделать экспорт нефти и леса. Так, выступая 18 декабря 1928 года на объединенном заседании СНК и СТО, посвященном рассмотрению сводного плана капитального строительства на 1928–1929 хозяйственный год, он требует широкого развития переработки нефти и настаивает на необходимости увеличения вложений в нефтяную промышленность. Что касается лесной индустрии, то там Микоян предложил строить не крупные и мощные заводы, а мелкие, которые легко можно перебазировать в зависимости от состояния лесных массивов. Через три месяца, в марте 1929 года, выступая на объединенном заседании СНК и СТО с докладом «О пятилетнем плане народного хозяйства СССР», Микоян в очередной раз отметил недостаточные темпы развития нефтепромышленности. Он указал на то, что при нынешних темпах роста отдельных отраслей промышленности (на 100–150 и 300%) 80% запланированного увеличения по нефтепромышленности чрезвычайно мало³⁰.

В ноябре 1929 года Микоян направляет в Политбюро подготовленную им записку «О мероприятиях по расширению лесного экспорта». В ней он говорит о том, что лес, нефть и пушнина

²⁹ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 4. Л. 71–79.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 315. Л. 22–27.

составляют в целостном выражении половину всего советского вывоза. Поэтому наряду с задачами расширения номенклатуры экспортных статей Наркомторг предлагает сосредоточить внимание на вопросах обеспечения подъема основных товаров экспорта. Указывая на недостаточность капитальных вложений в важнейшую экспортную отрасль промышленности, автор записки приходит к выводу, что советское руководство потеряло четыре года, «топчась на одном уровне вывоза»³¹. В итоге он предлагает образовать специальную комиссию Политбюро для обсуждения и представления на утверждение этого органа всех мероприятий, связанных с лесной промышленностью.

Форсированная индустриализация требовала колоссальных средств. Но даже ее частичная реализация становилась невозможной без развития советского импорта. При отсутствии запасов валюты и долгосрочных иностранных займов в Москве делают упор на предельно ускоренный экспорт. Однако доходы, получаемые от внешней торговли, оказываются мизерными в сравнении с завышенными планами промышленного развития. В это время Микоян неоднократно призывает соратников наряду с продажей хлеба добиться увеличения вывоза леса и нефти. Чтобы вклиниться в устоявшийся мировой рынок, создаются новые статьи экспорта. Одним из таких источников финансирования пятилетки становится вывоз «второстепенной» продукции, включавшей в себя массу разнообразных товаров, в том числе и музейные ценности.

Говоря о «второстепенных» статьях экспорта, необходимо отдельно остановиться на торговле антиквариатом из Эрмитажа. При рассмотрении этой темы всплывает растиражированная еще в 1989 году история продажи картин Эрмитажа миллиардеру армянской национальности Галусту Гульбенкяну. С подачи А. Мосякина, инициатором этой акции почему-то принято считать А.И. Микояна³². Чтобы проверить правдоподобность столь категоричных выводов, окунемся в суть вопроса.

Начало установлению контактов с владельцем крупной нефтяной компании «Теркиш петролеум» Галустом Гульбенкяном положил «сосланный» за троцкистские взгляды в Париж Г.Л. Пятаков. Весной 1927 года его назначают советским торгпредом во Францию. До этого на протяжении нескольких лет Пятаков вплотную занимался вопросами, связанными с добычей и реализацией советской нефти. Поэтому, оказавшись в Париже, он начинает проявлять неподдельный интерес к нефтяным вопросам,

³¹ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 12. Л. 106–110.

³² *Мосякин А.* Продажа // Огонек. 1989. № 6, 7, 8.

на этой почве и «сходится» с Гульбенкяном. Решив использовать новое знакомство, Пятаков пытается, не ограничиваясь вывозом советской нефти под маркой «Стандарт ойл», наладить ее экспорт еще и через «Теркиш петролеум».

Уже в мае 1928 года от Гульбенкяна поступает предложение организовать совместно с Москвой при участии крупнейших банков смешанное общество во главе с «Теркиш петролеум». При этом доля Москвы в предполагаемой организации должна была составить не больше 49%. То есть фактически Гульбенкян получал монополию на реализацию советской нефти под своей маркой. В июне последовал ответ из Москвы. Принятое по этому поводу постановление Политбюро гласило: «Считать возможным вступить в переговоры с Гульбенкяном об образовании смешанного общества на паритетных началах по реализации советских нефтепродуктов»³³.

Продолжая контактировать с Гульбенкяном, Пятаков узнает, что тот собирает старую живопись. Как пишет Ю.Н. Жуков, «даже вскользь сделанное Пятаковым предложение вызвало бурный интерес коллекционера, молниеносно составившего список картин, которые он готов был купить немедленно и за хорошую цену»³⁴. Этот список он поспешил вручить Пятакову. Как развивались дальнейшие события, видно из корреспонденции торгпреда на имя Микояна. Записка Г.Л. Пятакова от 11 августа 1928 года:

«Дорогой Анастасий Иванович!

Я уже писал Вам о просьбе Гульбенкяна продать ему за большие деньги несколько картин из Эрмитажа. Он все просит, чтобы я ему дал ответ. божится, что никому не покажет (что сомнительно). <...> Я ему все время отвечаю, что если Нарком согласиться, то только в виде величайшего личного одолжения Вам. Тем не менее, дайте мне какой-либо ответ. По-моему, хорошо продать несколько картин и получить пару миллионов наличными»³⁵. Проигнорировав первоначальный зондаж Пятакова, Микоян сохраняет молчание и на этот раз. Вскоре после этого к нему обращается уже М.П. Томский: «Микоян! Немедленно спишись с Пятаковым о предложении Гульбенкяна купить у нас картины, может быть, можно узнать, что именно он хочет?»³⁶. А уже 16 августа Политбюро принимает решение образовать комиссию под председательством М.П. Томского «для обеспечения срочного выделения для экспорта картин и музейных ценностей на сумму в 30 млн. руб-

³³ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 6. Л. 26.

³⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: операция «Эрмитаж». М., 2005. С. 145.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 133. Л. 93.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 133. Л. 106.